

Г. Г. ХИСАМОВА

(Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия)

УДК 81'42:81'38:82.0

ББК Ш300.1+Ш33(2Рос=Рус)-3

ПЕРСОНАЖ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: Автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными прагматическими установками, поэтому при изучении художественного текста представляется вполне правомерным использования термина «языковая личность». Статья посвящена выявлению особенностей речевого поведения персонажей как языковых личностей в рассказах В.М. Шукшина. Прагматический аспект исследования речевого поведения героев рассказов писателя позволяет представить его разнообразные проявления. В рассказах В.М. Шукшина выделяются конфликтный и центрированный тип личности. Персонажи конфликтного типа коммуникативно активны, предпочитают такие жанры речевого общения, как перебранка, ссора, выяснение отношений, они проявляют себя в тактиках угрозы, обвинения, оскорбления, упрёка, злопожелания. Центрированный тип языковой личности представлен «чудиками». Речевое поведение «чудиков» предполагает некоторую отстраненность от окружающих. Оно характеризуется логической непредсказуемостью, импульсивностью действий. Многим шукшинским персонажам свойственно лицедейство, балагурство. Игра для них дает возможность творческого взлета личности и становится единственным средством реализации духовного потенциала.

Ключевые слова: персонаж, художественный текст, речевое поведение, жанры речевого общения, тактики общения.

Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Не случайно само словосочетание «языковая личность» терминологически зафиксировано В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930 г.). Опыт описания героев художественного произведения в качестве языковой личности был впервые осуществ-

лен Ю.Н. Карауловым в книге «Русский язык и языковая личность» (1987 г.).

Под языковой личностью понимается, вслед за Ю.Н. Карауловым, особым образом организованная языковая компетенция индивидуума, представляющая структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения. Применительно к художественному тексту набор языковых умений может расцениваться «как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические составляющие, т.е. опредмечивающий в речевых поступках основные стихии художественного образа». Выделяются три уровня структуры языковой личности: 1) вербально-семантический (уровень языковых единиц); 2) лингвокогнитивный, включающий понятия, идеи, концепты и отражающий иерархию ценностей; 3) прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки, интенции.

Особый интерес представляет прагматический уровень (прагматикон), представленный совокупностью языковых средств для выражения интенциональной и иллюкутивной сферы личности и отражающий особенности ее речевого поведения.

К.Ф. Седовым разработана типология языковых личностей по характеру коммуникативного взаимодействия, которая предусматривает выделение таких типов, как конфликтный, центрированный и кооперативный. Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей в общении установкой на партнера коммуникации. Конфликтный тип (агрессор и демагог) демонстрирует установку против партнера по коммуникации. Подобная интеракция отражает стремление самоутвердиться за счет собеседника. Центрированный тип речевого поведения характеризуется наличием у одной из участников установки на себя при игнорировании партнера коммуникации.

Как отдельную проблему можно выделить принцип отбора автором языкового материала для моделирования языковой личности литературного героя. Особый интерес в этом плане представляет проза В.М. Шукшина – мастера художественного отображения национального межличностного общения. В его произведениях доминирует динамичный диалог, что позволяет

наиболее ярко проявлять себя и языковой личности.

Статья посвящена характеристике особенностей речевого поведения шукшинских героев в прагматическом аспекте.

Характеризуя персонажи рассказов В.М. Шукшина по степени координации речевого поведения, можно говорить о довольно отчетливо выраженной в их повседневном общении конфликтности. С учетом характера гармоничного / дисгармоничного речевого поведения герои рассказов писателя представляют два типа языковой личности: конфликтный («энергичные», «крепкие люди» и «демагоги») и центрированный («чудики»).

К «энергичным людям» можно отнести деревенского дельца Баева, «крепкого мужика» Шурыгина, «крепкую нравом» тещу Зяблицкого Елизавету Васильевну, Малышиху, «сваяка Сергея Сергеевича», тестя Ивана Дегтярева Наума Кречетова. Особую модель поведения, явление социальной демагогии представляют Глеб Капустин и «непротивленец Макар Жеребцов», «генерал Малафейкин» и «мужик Дерябин». Центрированный тип языковой личности присущ «чудикам»: Андрею Ерину и Моньке Квасову, Косте Валикову и Веньке Зяблицкому, Броньке Пупкову и Василию Евгеньевичу Князеву, Гриньке Малюгину и Пашке Холманскому.

Крепкие люди демонстрируют в отношении окружающих негативную иллюзию в виде агрессии. Это проявляется в выборе ими конфронтативных тактик общения: неприятия и отторжения, угрозы, оскорбления, упрека, обвинения.

Речевое поведение персонажей в рассказе «Крепкий мужик» определяет внеречевая ситуация – «снос церкви». Бригадир Шурыгин принадлежит к конфликтному типу языковой личности. Шурыгин наперекор людям решил разрушить церковь, прикатив «три могучих трактора». В рассказе преобладают негармоничные демагоги, так как Шурыгин, будучи языковой личностью конфликтного типа, проявляет себя как вербальный агрессор. Он навязывает свою линию поведения в диалогах с односельчанами, используя неприемлемую, враждебную тональность общения. Им избирается тактика издевки, оскорблений:

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

– Вон отсюда, пьяная харя!

Неподатливость характера Шурыгина выражена в жажде по-

велевать, устрашать, подстегивать, так как он «вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями».

Волонтаризм шурыгинского толка проявляется в употреблении глагольной лексики со значением волеизъявления: – *Не суйтесь не в свое дело;* – *Не понимаешь, значит помалкивай;* – *Не лезь!;* – *Давай, какого!*

Грубость, своеволие Шурыгина проявляются в использовании бранной лексики, угроз (*пьяная харя, халява;* – *Я вам прижму хвосты-то*), так как бригадир *«распоряжался этим делом, как всяким делом: криливо, с матерщиной»*.

Постепенно, встречая сопротивление односельчан, Шурыгин впадает в неистовство, что подчеркивается метакоммуникативными показателями (*«Шурыгин всерьез затрясся, побелел», «заревел Шурыгин», «заорал Шурыгин трактористам»*).

Доминирующая стратегия в речевом поведении «демагогов» – навязывание собственного мнения, собственного жизненного опыта, стремление подчеркнуть собственную значимость. Они используют императивные тактики: поучения, совета, приказа, приоритета мнения.

Роль советчика, своеобразного «унтер Пришибеева», главного героя одноименного рассказа А.П. Чехова, самочинного блюстителя порядка, считающего себя вправе во все вмешиваться, всем делать замечания, «примеривает» на себя «непротивленец Макар Жеребцов», главной герой одноименного рассказа.

Доминирующая иллюкутивная установка в речевом поведении почтальона Макара Жеребцова – преувеличение авторитетности своего жизненного опыта и навязывание своего мнения. Стремление к самореализации воплощается у Макара в желании *«учить жить»*: он ходил по домам и *«обстоятельно, въедливо учил людей добру и терпению»*. В ходе общения с людьми это проявляется в бесконечных поучениях, советах, наказах Жеребцова, даже если люди и не нуждаются в них: *«– А завтра опять пойду по домам, опять полезу с советами. И знаю, что не слушают они моих советов, а удержаться не могу. Мне бы – в большом масштабе советы-то давать, у меня бы вышло. Ну, подучиться, само собой... У меня какой-то зуд на советы. Охота учить, и все, хоть умри»*.

Макар не способен оказать действенную помощь людям, он

играет роль стороннего наблюдателя:

– Ты, лоботряс, только рассуждать умеешь... Ходишь по деревне, пустозвонишь... Пустозвон. Чего ты лезешь не в свое дело?

– Я вас учу, дураков. Ты приехай к нему, к Петьке-то, да сядь вытей с ним...

– У тебя прям не голова, а сельсовет.

– Да. Выпей. А потом к нему потихоньку в душу: сократись, сынок, сократись, милый. Ведь мы все пьем по праздникам....

Бессилие что-либо изменить превращает Макара в демагога. Навязчивый, он раздражает односельчан («Старухи обижались. Старики посылали Макара... дальше»; «Но Макара не хотели слушать – некогда. Да и мало на селе в летнюю пору встречных»). Иногда его «деятельность» была причиной конфликта, и не только вербального. Пытаясь дать совет Ивану Соломину в выборе имени только что родившемуся сыну, Жеребцов получил «пинка под зад. – За совет!» Макара не испытывает уважения к людям, презирает их, для него они «бараны», «кроты», «дураки», «подлецы».

Центрированный тип языковой личности присущ «чудикам».

Обычное речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных тактик ситуации общения и интенции собеседника и предполагает некоторую отстраненность от окружающих. Дисгармония мироощущения «чудиков» приводит их к дисгармонии общения, которое наполнено коммуникативными неудачами.

«Чудики» нередко оказываются беспомощными в самых простых ситуациях. Определенная часть их коммуникативных неудач связана с нарушением правил инициации речевого общения.

Так, конфликт Андрея Ерина и его жены Зои («Микроскоп») начался с сообщения мужа о потере денег:

– Это... я деньги потерял. – При этом ломаный его нос (кривой, с горбинкой) из желтого стал красным. – Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка?.. Она глупо спросила:

– Где?

Тут он невольно хмыкнул.

– Да если б знал, я б пошел и...

– Ну, не-ет!!! – взревела она. – Ухмыляться ты теперь долго будешь! – И побежала за сковородником. – Месяцев девять, гад!

Инициация неожиданного коммуникативного акта послужила причиной агрессивной реакции жены. Покупая микроскоп, шукшинский герой парадоксально формулирует свою «цель», обращаясь к сыну: «Луну будем разглядывать». Коммуникативная и практическая цель Андрея Ерина (приобретение микроскопа) не согласуется с практическими целями жены (покупка шуб для детей).

Произнося ту или иную реплику, сопровождающую определенные действия, персонаж ожидает реакции от собеседника и пытается ее прогнозировать на базе собственного знания жизни, людей. В случае несоответствия собственных жизненных представлений и реальности происходящего возникает «эффект обманутого ожидания». Подобное случилось с Чудиком во время поездки к брату. Он вместо положительной реакции соседа, читающего газету в самолете, обнаружил его агрессию:

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он. И подал.

У читателя даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками трогать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?

– Где я ее кипятить буду? Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

Негативная реакция персонажа вызвана не только его высказываниями, но и авторскими (*лысина побагровела, закричал он шепеляво*) и свидетельствует о неудачном начале коммуникативного акта с последующим мгновенным завершением.

В то же время для «чудиков» характерна природная тяга к творчеству. Творческая языковая личность – это личность, которая реализует в своем речевом поведении лингвокреативные стратегии. Данные типажи представлены в рассказах писателя

множеством ролевых номинаций (шутник, весельчак, балагур, остряк, «артист»).

Пашка Холманский (рассказ В.Шукшина «Классный водитель») – личность с хорошо развитым творческим началом: он стремится смехом, игрой пробудить добрые чувства в других людях. Для этого он использует маску «трепача», «балагура». Его речь выдержана в манере присловья, озорства, некой языковой игры:

– *Клуб есть? – спросил Пашка.*

– *Клуб? Ну как же?*

– *Сфотографировано.*

– *Что?*

– *Согласен, говорю! Пирамидон.*

Прохоров заискивающе засмеялся.

– *Шутник ты... <...>*

– *Стараюсь. Значит, клубишко имеется?*

– *Имеется, Пашка. Вот такой клуб – бывшая церковь!*

– *Помолимся, – сказал Пашка. Оба – Прохоров и Пашка – засмеялись.*

В репликах Пашки встречаются слова и обороты, в которых отражено намерение персонажа оторваться от бытовых фраз, подчеркнуть изысканность речи: *Поговорим, как желтьмены; С'нк-ю.*

Средства речевой характеристики персонажа свидетельствуют о том, что перед нами человек искренний, веселый, безобидный. Ориентация на речевое поведение персонажа, представляющая процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации, позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности во всей совокупности представленных в тексте характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.

Хисаимова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М.Шукшина). – М., 2007.

© Хисаимова Г.Г., 2016